

Методологический анализ исследований модели психического (theory of mind)

Наблюдая процесс воспитания детей, я постоянно удивляюсь несоизмеримости скромных воспитательных усилий взрослого и впечатляющих достижений воспитываемого ребенка. Это наблюдение в равной степени касается и двигательного развития, и языкового. «Учить ходить» означает в случае нормального развития создавать минимальные предметные и мотивационные условия, в которых начинают действовать силы саморазвития ребенка. «Учить говорить» — ничего больше, чем говорить с младенцем, как если бы он понимал язык. Эти наблюдения сделали меня чувствительным к некоторым мотивам в философских рассуждениях. Так, я почувствовал глубокую симпатию к одной фразе «Критики чистого разума», где Кант говорит о случайных причинах возникновения априорных понятий и представлений в опыте [1, с. 183]. Внимательно, но менее сочувственно я отнесся к теории Н. Хомского, который, справедливо отмечая, что ребенок научается грамматике родного языка, имея в качестве «базы индукции» относительно небольшое количество примеров, чуть ли не большинство из которых — неправильные, делает вывод о врожденности языковой способности по типу «открытой программы» (термин биолога Э. Майра, подхваченный К. Лоренцом в его работах по эволюционной эпистемологии; Хомский термин не употребляет, но понимает врожденные механизмы именно так). Открытая программа — биологическая аналогия компьютерной программы с небольшим количеством входных параметров. В данном случае вариации параметров приводят в одних случаях к английскому языку, в других — к русскому, китайскому и т.д. Эта мощная программа подразумевается врожденной, а на долю опыта остаются очень мало: немногим больше, чем производимое пользователем переключение языка на странице в Интернете.

При некотором кажущемся сходстве подходы Канта и Хомского противоположны. Кант телеологичен: субъект не может быть помыслен без категорий и форм чувственности — значит, в реальном онтогенезе можно лишь ускорить или задержать их развитие. Если задержки нет, цель достигается неминуемо. Хомский же механизм (или алгоритмичен, в данном случае это неважно). Он утверждает, что наука об онтогенезе неминуемо должна обнаружить такой врожденный механизм, в противном случае это не наука (вспомним, между прочим, Канта: в науке о природе столько собственно науки, сколько в ней математики).

Мы теперь рассмотрим исследования в области *Модели психического* (Theory of mind), в которой два указанных подхода образуют полюса, между которыми и надлежит искать истину метода. Загадка, на решение которой направлены исследования в этой области, следующая: как и почему взрослый человек умеет распознавать эмоциональные состояния других людей, как и почему он может судить о наличии внутренней представленности мира другому человеку, как он может знать о намерениях и иных установках другого по отношению к миру? Загадочность определяется тем, что подобные состояния себя и другого даны субъекту совершенно по-разному. Я сужу о том, что человек радуется по его улыбке, возбуждению (которое выражается в значительной подвижности, не направленной на достижение какой-то сообразной цели) и т.п. Моя же собственная радость дана мне непосредственно и не связана необходимо с указанными симптомами, поскольку, например, при некоторых обстоятельствах я сочту за лучшее их подавить, не переставая чувствовать радость. Однако

столь разным образом представленные мне явления безошибочно именуются одним и тем же словом. Аргументация Хомского без изменений проходит и в данном случае: как, наблюдая только тела в пространстве, человек, в конце концов, приходит к пониманию того, что другие люди переживают состояния, весьма похожие на его собственные. Отмечу, что утверждения, что они не могут быть «похожи», поскольку для моих и чужих состояний нет общей меры, появляются уже в науке и философии, но не в обыденной психологии, где тождественность референта слова «радость» по отношению ко мне и другому не подвергается сомнению. Как человек приходит к такому отождествлению?

Мы начнем анализ с причинных объяснений в нашей области. Как и Хомский, сторонники причинных объяснений (если они последовательны и логичны) постулируют врожденные основания развивающихся в опыте представлений ребенка о психическом. Рассмотрим некоторые из таких оснований.

Эмпирическими исследованиями хорошо удостоверен следующий факт: младенец первых недель жизни имитирует мимические движения взрослого: открывает рот, высовывает язык, надувает губы [2, с. 321]. Это свидетельствует, во-первых, о возможности кросс-модальной ассоциации получаемой информации. Действительно, имитация подразумевает «перешифровку» зрительной информации в моторную программу, выполнение которой корректируется опять же зрительной системой, но с совершенно иной точки зрения, чем та, которая обеспечивала наблюдение, и в совершенно ином контексте. Зато, во-вторых, появляется основание для соотнесения собственных эмоциональных состояний с эмоциональными состояниями другого человека: если предположить дополнительно, что зеркальная имитация мимики сопровождается соответствующим эмоциональным переживанием (при полном отсутствии внешних причин для него), то мимика другого человека сразу оказывается скоординирована с внутренним переживанием развивающегося ребенка.

Однако открывающаяся здесь возможность объяснения порождает дополнительную проблему: если произвольная имитация мимики, позволяющая предположить произвольную трансляцию эмоции, делает эмоциональное состояние младенца тождественным состоянию взрослого, то проблемой становится различение своей и чужой эмоции: почему огорчение взрослого относится, в конечном итоге, на счет этого взрослого, а не является просто собственным огорчением?

Какого рода опыт может навести ребенка, устойчиво резонирующего на всякую эмоцию окружающих, на разделение своей и чужой эмоции? Можно предложить ситуацию конкурирующих эмоций двух взрослых (один радуется, другой огорчается), вызывающих у ребенка резонанс, сам с собой конфликтующий. Однако разделение эмоций этих взрослых и своей собственной противоречивой эмоции выглядит слишком большим успехом при отсутствии дополнительных оснований. Таким образом, мы вынуждены предположить еще одну врожденную способность: способность интерпретировать подобный конфликт продуктивным и даже, пожалуй, творческим образом.

Это чересчур сложное рассуждение (подобное которому можно провести в рамках любого причинного подхода в любой области психологии развития) демонстрирует, на мой взгляд, что в самом подходе есть какая-то «неправильность». Можно задать радикальный вопрос в духе Хомского:

(1) Чем хуже предположение о врожденности механизма скоординированного распознавания своих и чужих эмоций, который настраивается по типу «открытой программы», т.е. при предъявлении небольшого числа характерных для данной культуры примеров эмоциональной экспрессии? Сделав такое предположение, рассмотрим перспективы дальнейших исследований. Хомский предполагал искать врожденные механизмы непосредственно в мозгу. По-видимому, его подход нереалистичен. Действительно, даже полностью и точно отсканированный мозг не даст

ответа на вопрос, какие стимулы в онтогенезе привели его в данное состояние. Ясно ведь, что при отсутствии необходимой стимуляции (например, в ситуации Маугли) ни человеческий язык, ни понимание эмоций не будут формироваться у ребенка. Это значит, что *даже в принципе* можно надеяться только на получение знаний о зрелом мозге, но не о врожденных механизмах онтогенеза.

В таком случае можно надеяться на моделирование. И действительно, опубликовано немало отчетов о работе компьютерных моделей, показывающих, как могут «усваиваться» грамматические структуры. Они касаются весьма частных аспектов процесса овладения языком и в значительной степени уязвимы для критики. Скорее, они призваны убедить общественность в *принципиальной возможности* врожденного механизма овладения языком, но не дают ничего для понимания реального процесса. В случае же эмоций задача моделирования выглядит просто нелепой, поскольку предметом исследования должно будет стать переживание компьютерной моделью *ее собственных эмоций*.

Мы получили ответ на вопрос (1): такое сильное предположение оказывается бессодержательным и не может влиять на развитие «теорий среднего уровня» и эмпирических теорий. Тогда вернемся к рассуждениям, предшествующим постановке вопроса (1), и зададим вопрос:

(2) Что можно надеяться найти, продолжая формулировать теории, в которых проводятся рассуждения этого типа?

Если рассматривать только теоретический план, то необходимость предположения о врожденности большого числа разнообразных механизмов делает такие теории столь же уязвимыми, что и теория Хомского. Однако одно дело — предположения, а другое — реальные поведенческие паттерны (зеркальная имитация эмоциональной мимики и другие столь популярные сейчас «зеркальные механизмы»), которые можно обнаружить у младенцев. Какова их реальная роль в онтогенезе? Мои аргументы говорят только, что они ничего не дают для *объяснения* онтогенеза, поскольку доведенное до научной формы объяснение должно быть математической моделью — в этом я соглашусь с Кантом и поддерживаю Хомского, хотя и добавлю, что в данной области такое объяснение просто невозможно, поскольку математическая модель здесь должна быть без преувеличения *бесконечно* сложной.

Рассмотрим сначала вопрос, так ли необходимо считать эти паттерны врожденными? Само понятие *врожденности* подвергалось вполне основательной критике, суть которой состоит в том, что независимого от среды онтогенеза вообще не может быть, средовые воздействия могут «превзойти» любую генетическую заданность, по крайней мере, в отрицательном направлении, а момент рождения — вообще достаточно рядовая точка онтогенеза, которой предшествуют и за которой следуют другие важнейшие онтогенетические события. *Врожденность* не является хорошо определенным термином, а замена его на *генетическую заданность* явно недостаточна для наших целей¹.

Вероятно, феномены указанного типа следует считать только лишь *эмпирической нормой* для данного биологического состояния вида и данных культурных условий вынашивания и воспитания младенцев. Дальнейшие вопросы таковы:

(а) Действительно ли распознавание эмоций надстраивается именно над этой реакцией. Неврология знает примеры отрицательных ответов. Так, шаговый рефлекс новорожденного (шагательные движения, которые начинают выполнять ноги вертикально удерживаемого младенца при касании ступнями горизонтальной поверхности) не является основой ходьбы. Наоборот, если к определенному возрасту этот рефлекс не пропадает, ребенок не может обрести нормальную походку, которая

¹ Кроме генетического механизма, за наследование, по мнению биологов, отвечают еще два: морфогенетический и эпигенетический [3, с. 29].

надстраивается на более поздних (фоновых, по Н.А. Бернштейну) двигательных паттернах.

(б) Если ответ на вопрос (а) утвердительный, то о ком, собственно, идет речь, когда говорят: «Он повторяет мимику взрослого». Если более поздняя улыбка младенца не оставляет у окружающих сомнений в том, что улыбается субъект общения, то мимика новорожденного оставляет возможность такого сомнения. Без всякой натяжки можно сказать, что вопрос этот упирается в *субъектность* оплодотворенной яйцеклетки. На мой взгляд, разумно считать, что в онтогенезе возрастает и субъектность тоже (хотя придать точный смысл этому «возрастанию субъектности» я не могу). Тогда встает вопрос об овладении субъектом своими телесными и психическими функциями, как формулировал свою эвристику Л.С. Выготский. Именно процесс возрастания субъекта, овладевающего телесно-психическими задатками, и есть онтогенез человека. Но такой вопрос не решается на уровне простого описания поведения.

Как теории верхнего уровня, подходы Канта и Хомского оказываются противоположными. Мы теперь вернемся к Канту, и, как ни странно, окажется, что «приземление» его подхода на средний уровень даст результаты, очень похожие на те, что получаются при «приземлении» теории Хомского.

Из известных психологов два считали себя проводниками кантовских идей: Ж. Пиаже и находившийся под влиянием последнего Л. Колберг. Колберг исследовал развитие в онтогенезе моральных суждений, Пиаже известен огромным количеством трудов по различным аспектам детского развития. Подход обоих исследователей имеет характерную черту: результатом исследования является описание стадий развития изучаемого понятия, характеристики или умения — вплоть до достижения ими заключительной стадии, присущей нормальному взрослому.

Как уже отмечалось, кантовский подход телеологичен. Причины, приводящие к разворачиванию априорной способности (представлений о пространстве, категорий, математических понятий и т.д.), названы Кантом случайными. Это, на мой взгляд, может означать только следующее: содержание стимула, который послужил случайной причиной, не является логически достаточным для результата (крайняя степень недостаточности — падение ньютоновского яблока) и не является также для результата эмпирически необходимым. Из первого следует, что говорить в этом случае о полноценной причинности нельзя, а из второго следует, что Пиаже добавляет к кантовской идее нечто свое: случайные причины не предусматривают никакой систематической последовательности разворачивания указанных априорных форм. Описание стадий развития также является лишь *эмпирическим обобщением*. Это и сближает позицию Пиаже с той, которую мы получили в результате критики ориентированных на причинное объяснение теорий: то, что они называют причинами, на самом деле только эмпирически обнаруживаемые стадии развития, что оставляет возможность для более или менее существенного иных траекторий развития.

И такие вариации обнаруживаются. Например, некоторые критики Колберга считают, что верхние стадии его модели развития моральных суждений не являются обязательными для нормальных взрослых, а свойственны только определенным культурам. Те культуры, где наблюдается иная конфигурация стадий, также должны считаться нормальными.

Для нашей темы модели психического наиболее интересным предметом для исследований таких вариаций является одна из форм патологического развития — аутизм. Одна из признанных гипотез утверждает, что именно недоразвитие у ребенка модели психического, т.е. понимания внутреннего мира окружающих людей и внимания к нему, является причиной патологического развития. Более или менее сильный дефицит приводит к соответственно более или менее сильному отклонению траектории развития от нормы.

То, что в этом, как и в других случаях, патологические формы континуально связаны с нормой, говорит о многомерности врожденных (в нашем ограниченном смысле) задатков. Это значит, что выраженная Кантом в упомянутой сноске телеологическая позиция должна быть скорректирована при переносе в психологию.

Хочу теперь обратить внимание на одно важное методологическое следствие. Столь мягкая форма причинности, какую, по моему мнению, только и можно допустить в теории развития, влечет столь же мягкое понимание истинности теорий. В американской философии этот вопрос активно обсуждался в конце прошлого века. По мнению многих участников дискуссии, в области изучения theory of mind¹ возможны утверждения лишь логической формы *ceteris paribus* (истинно при прочих равных условиях), причем множество этих условий, которым надлежит быть равными, доопределяется в процессе исследования. В частности, важность равенства условия «нормальные задатки развития theory of mind» выявляется при сопоставлении нормального развития с аутистическим.

В пользу мягкой формы причинности свидетельствует также и проблема, стоящая перед упомянутой гипотезой генезиса аутизма: сопутствующий симптом аутизма — неспособность к ролевой и символической игре — не связывается понятным образом с основным дефектом недоразвития представлений о психическом. В то же время, в нормальном онтогенезе также наблюдается коррелятивная связь между этими двумя характеристиками. Не лежит ли за этой корреляцией еще не понятая более глубокая theory of mind?..

Литература

1. *Кант И.* Критика чистого разума // Сочинения: В 6 т. Т. 3. М.: Мысль, 1964.
2. *Сергиенко Е.А.* Раннее когнитивное развитие. М.: ИПРАН, 2006.
3. *Северцов А.С., Креславский А.Г., Черданцев В.Г.* Три механизма эволюции // Современные проблемы теории эволюции. М.: Наука, 1993.
4. *Philosophy of Psychology* / ed. J.-L. Bermudez. N.-Y, London, 2006.

¹ Как и в геологии, биологии и многих других науках, говорят они. Дискуссию можно найти в сборнике [4].